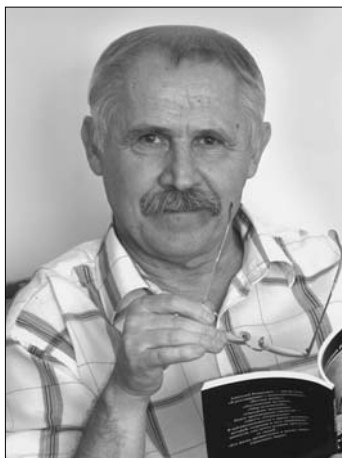

ГЕОРГИЙ МАРЧУК

ПИСЬМА К ЛЮБИМОЙ

В ПОИСКАХ СМЫСЛА

О, непоседа моя, Урсула, пусть не пугают тебя заоблачные глубины заголовка моего письма; ведь всё сложное очень часто открывается обычным ключом, а мудрость не бывает двусмысленной, иносказательной, хитроумной — она ясна, доступна всем и прозрачна в своей простоте и прелести, как облако на небе. Мы подстёгиваем свою жизненную активность необходимостью поиска смысла, не задумываясь подчас над началом, над истоком. Ведь если очень сильно задуматься над всем, что тайно, что неподвластно ни твоим чувствам, ни твоему разуму, то и жизнь, пожалуй, не будет иметь смысла. А если к тому же находишься в плену ложных ценностей, так искусно навязанных тебе силами соблазнов и пороков, то осознание смысла не придёт и подавно. И в то же время для смысла жизни, может быть, достаточно иногда вспоминать о нём.

О, моя грустная Урсула, вернуть упавших духом от осознания постоянного присутствия смерти за спиной на путь добродетели и жажды жизни — тоже смысл жизни. Открой окно в осень. Для смысла достаточно одного прилагательного. Осень... Добавим к ней слово “золотая”, и вмиг оно обретёт смысл.

МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Секретарь правления Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

Одного человека, увы, не хватает для смысла. Ему необходим ещё кто-то: Бог, мать, отец, женщина, ребёнок. Кто живёт с мыслями о том, как оправдать своё предназначение перед Богом, тот живёт осмысленно. Оно многолико, это предназначение. Мы утешимся, посадив дерево, воспитав детей, испытаем удовольствие от трудов, вкусив почёта и славы от людей. Да, да и ещё раз да. Смысл жизни — испытать всё при жизни, счастливо избежав грешных, страшных разрушением души соблазнов, ибо нет смысла в тюрьме, суме, пуле.

Каждый день, о моя трудолюбивая Урсула, даётся нам в радость, а чтобы осознать её, нам посылается иногда и горе. Суть жизни — ощущать себя свободным, когда от твоей свободы другим польза, а не вред. Насколько человек силен, настолько он и слаб. Иногда и слово убивает. Иногда и прикосновение к твоей руке чужого человека подвергает сомнению смысл слов “о желании прикосновения только руки любимого”. У любимого ведь свои, колдовские, особенные и нежность, и ласка, и прикосновения. Влюблённый должен видеть смысл во всём. Это неправда, он не слепой. Это только для ребёнка нет смысла жизни, он его ещё не осознаёт в силу того, что не знает и не думает о конце пути, он искренне трогательно радуется самой жизни.

О, как мы счастливы, Урсула, что эта детски-наивно-возвышенная радость бытия не покидает и наши сердца, что назидание, скорбь, напыщенная важность, высокомерие, озлобление, месть отзываются в наших душах только пустым и даже не пугающим нас звуком. Открой окно в зиму, не уставай восхвалять жизнь... это ведь только тело слегка зябнет, а на душе тепло, тепло... От того, что есть ты, от того, что есть я, от того, что есть свет Божий...

Пусть не пугает тебя однообразие, похожесть, повторяемость частных бытий. Каждый прожитый день пополняет сокровищницу смысла жизни. У Солнца путь однообразен и постоянен, но мы не задумываемся над этим. Тому, кто отчаялся в неразрешимости сомнений и страха безысходности, говорят: “Наполни жизнь смыслом”. Из раба Божьего стань человеком Божьим. Не бойся зла, исходящего от природы, бойся зла, исходящего от людей. Наполнить смыслом? Научиться видеть красоту мира и ценить ее. Знать, что и ты сам являешься источником радостей и горестей для других.

Пусть, пусть передаётся от нас другим только радость, о, моя Урсула! Наполнить смыслом? Значит ощущать счастье каждого прожитого дня. Открой дверь в весну, Урсула! И ты убедишься, как всё приветствует тебя — умную, верную, добрую, красивую. Возьми любое из этих слов и присоедини к своему имени, и всё обретёт смысл, ты достойна этих слов. Не горюй об утерянных плодах искушений. *От добра добра не ищут.*

О, радость жизни моей, Урсула! И я, как Божий человек, хочу открыть своим ключом эту тайну, чтобы заглянуть в приоткрытую дверь сущности. Я полюбил, я люблю, значит, я обрёл смысл жизни. Но человеку, любимая, отведено, увы, очень мало времени, чтобы успеть накопить и освоить философию смысла. Будущее мудро скрыто, и хвала Творцу за это. Поэтому и слышно со всех сторон (как напутствие и обязанность человека): “Ищите смысл жизни”, “Ищем смысл жизни”, “Ищу смысл жизни”... Но скажи, как и зачем мне искать и быть в этом смысле жизни без тебя, о лето мое красное, любовь моя, Урсула!

РЕВНОСТЬ

О, строгая и уравновешенная моя Урсула! Это только кажется, что о ревности писать легче, нежели о любви. И это притом, что ревность — дочь любви, но дочь непослушная, капризная, резкая, откровенная, взрывная, нахальная и опасная в своей непредсказуемости. Но это внешние проявления, а суть её надо искать в глубине вечно сомневающегося сердца.

Ревнивый человек больше всех раним и обидчив, и даже угрюм. Тяжёлые мысли о “близкой потере” бесценного друга не оставляют его ни на минуту. Они гнетут большую подозрительностью душу. Подозрительность эта

возникает исключительно от чувства невозможности наблюдать, а может, и контролировать *всю* свободу любимого человека.

О, моя свободолюбивая, темпераментная Урсула! Философию ревности регулярно подпитывает расплывшееся по всему неустойчивому в морали миру глобальное мнение о непостоянстве женщины вообще. Помоги мне успокоить душу мою, Урсула, помоги. Ты понимаешь, что бессмысленно контролировать или держать в хомуте свободу не только любимого человека, но и человека вообще. Даже светские и религиозные законы не справляются с этим. Соблазны, соблазны инфицируют слабую природу человека.

Говорят, когда после лужа любви, тёплых поцелуев, жаркой страсти женщина приводит себя в порядок, особенно усердно красит губы, подводит тушью глаза, то это уже делается не для тебя, а для других. Любовь жертвенна, ревность — никогда. И это тревожит душу пылкого влюблённого. Кажется, если любовь всеохватна, то и женщина должна принадлежать ему вся, всюду и всегда. О, как мучительно понимать, что это невозможно. Твой любопытный взгляд, подаренный мимоходом молодому красивому чужому мужчине в троллейбусе, в метро, в театре, в толпе на улице, таит опасность искушения. Ревнивец не признаёт, что кто-то может быть лучше него. Подозрение, желание проникнуть в тайные мысли любимой женщины поглощают любовь, отравляют ее, и уже не любовь, а ревность руководит поступками человека. И когда телефон любимой занят десять, пятнадцать минут, хочется бросить трубку и бежать к ней со строгим вопросом: “Кто звонил тебе?” И даже если с мягкой улыбкой тебе ответят: “Судачила с подружкой”, — успокоение не наступит.

Особенно тяжело листать страницы прошлой жизни любимой. И даже спасительное: “Всё в прошлом. Ведь тебя тогда, в том городе, в то время не было рядом” — не утешает.

О, моя легкоранимая, ласковая Урсула! Как же осторожно, умно, тактично надо знакомить любимого со своим прошлым. Ревность не точит сердце, она импульсивно, рывками отрывает от него кусочки. Ревность в наше торгашеско-буржуазное время выступает посредником между любовью и ненавистью. Поэтому и бытует мнение, что она ослепляет и дурманит. Она не укрепляет любовь, она повышает градус любви, и часто температура зашкаливает, как при тяжелой болезни.

О, моя отзывчивая Урсула! Ревность исходит от ума, а не из сердца. Постоянное сравнение с другими отупляет. Неужели кто-то лучше, лучше, лучше? Ревность охлаждает пыл и привносит в чувства сосредоточенность и анализ поступков. От постоянного анализа, домыслов, фантазии чувства костенеют в рационализме и прерывается сладостный полёт в вольном пространстве, как говорят космонавты, *в невесомости*.

Ревность все время старается вырвать чувства из свободного парения и опустить их в грубую реальность бытовых отношений, в круг семьи, работы, друзей, которые автоматически перерастают в соперников. Я знаю, ты не любишь это слово — ревность. Но, увы, от этого оно не исчезает. Это огонь, у которого иногда согреваются чувства, но этот огонь может их и сжечь. Ревность не знает правил приличия, законов чести. Она заставляет мужчину тайно вскрывать каждое письмо, адресованное любимой, устраивать за ней слежку, понимая, что это унижительно. Но увы, увы... Некоторым даже нравится бичевать себя ревностью. Им кажется, что так они избавляются от комплексов. Лечат ревность ласкою, заботой, словами нежности, правдой. И хоть ревность владычествует над силой воли, подчиняет её себе, в правде, в доверии, в вере, в искренности чувств она растворяется, как соль в воде, и теряет свою агрессивность. Любви присущи лёгкость, юмор, улыбка, розыгрыш, дурачество, озорство, ревность же всегда сосредоточенна, настороженна, серьезна и фундаментальна.

Нет тяжелее ноши для влюблённой души, чем ревность. Но и без неё исчезнет нерв любви, и тогда чувства часто склоняются к однообразию и отупению. О, как тяжело, Урсула, человеку с буйной фантазией, достаточной для самовнушения, ревновать. Ревность не толкает к губительным поступкам, к ним толкает измена. Ее можно обвинить в соучастии. Ревность не тво-

рит любовь, не укрепляет ее, не цементирует, она, о моя капризная Урсула, стоит на страже любви. Она подобна колокольчику над дверьми в старых аптеках, постоянно напоминающему: “Осторожно. Рядом с вашим чувством появился некто третий. Внимание!”

Не печалься и не осуждай за такую болезнь — ревность. Не говори мне о былом, Урсула. Его ни изменить, ни вернуть. Истинно и ценно настоящее, прошлое только предостерегает нас от ошибок. И самое удивительное: нет беспредметной ревности, которая вырастает на голом месте. У неё всегда найдется повод, и дай Бог, чтобы он всегда был ошибочен со стороны ли любящего мужчины, со стороны ли любящей женщины.

Это неправда, что ревность присуща только эгоистам. Ревнуют и добрые люди. Ты спрашиваешь: “Так осуждать человека ревнивого, обвинять его в эгоизме, жалеть, негодовать, упрекать?” Ни то, ни другое. Всякий человек нуждается в уважении, сочувствии, внимании. А ревнивый тем более. Мудрые говорили: “Пока дышу — живу”. О, моя георгина осенняя, Урсула, пока ревнуем, мы любим.

ОДИНОЧЕСТВО

О, моя Урсула, ты как-то посочувствовала судьбе одинокой дикой груши в поле. И я задумался. Человек же испытывает одиночество не оттого, что он должен быть обязательно один в горах или в лесной сторожке. Даже по собственной воле посаженный в столб, в келью монах не одинок, потому как через молитвы постоянно находится в общении с Господом. Одиночество — это состояние души. Одинокий человек, а он чаще всего бывает сосредоточенно-задумчив, иногда оставляет впечатление угрюмого человека, но это не так. Угрюмый — склад характера. Однако не стремись умышленно к одиночеству, в старости оно тебя само найдёт. Наедине с самим собой человек никогда не остаётся. Он только временно уединяется, отгораживается от внешнего мира. Рядом с ним всегда — мать-природа, своим многообразием, буйством красок весны и осени, мелодией ветра, тихой песней дождя и снега она аккомпанирует твоему одиночеству, подчёркивая его особенность, и настраивает на определённый лад, обычно сентиментальный. Пространство наполняется поэзией, о моя светлая Урсула.

В одиночестве присутствует доля наслаждения. Мерцает огонь в печи, тлеют в ней угли, и свечение у них необычайно яркое, таинственное, как в закате солнца. И спокойные думы о смысле жизни, о Боге, о несовершенстве миропорядка, о тайне смерти и рождения, о детстве наполняют душу. Уютно так, тепло. Светлая печаль одиночества. Ранней весной капает с крыши капель в ладонь.

О, какая это радость — восприятие мира, Урсула! Мое одиночество успокаивает мятущуюся суетливую душу размышлениями. Мечты куда-то исчезают. Плавно катит трамвай, и дороге нет конца, и не хочется выходить. Ничего не тревожит: ни мысли о работе, о деньгах, ни мечты, ни надежды. Пусть везёт трамвай по кругу, пусть кружат воспоминания под стук колёс. Хорошо так. А потом... краюха ржаного хлеба, стакан молока, а за окном настороженно-внимательные глазки воробья и синички. Вольготно. Бежит дымок от сигареты, глоток кофе, плед на коленях, безмолвный телефон — наконец-то он отключен умышленно! Хорошо. Светлая печаль. Речка, озеро — вечные спутники одиночества. Вода тиха, текуча, спокойна, она лечит утомленную сомнениями, разочарованиями, обидами и укорами душу. Ещё далеко до того, когда приумножатся печали о несбывшемся, и тяжелый груз прожитых лет испугает грозным разочарованием во всём. Ведь прожито всего-то ничего: каких-нибудь сорок с хвостиком.

Вот и первая тревога: одиночество может перерасти в отчаяние. Ещё не успевшая потускнеть осенняя листва под ногами — единственный свидетель твоего одиночества. О, как пьянит уединение и покой! Кажется, слышишь дыхание деревьев, последних цветов осени. Сердце замирает. Душе сладко от

ощущения вечного родства с тем, что видят глаза. Почему, почему старые мудрецы предостерегают, что одиночество переносить тяжело? Говорят, что тогда даже проворная кукушка в настенных часах не радуется, а раздражает. А ведь столько лет вызывала детский восторг и умиление.

Почему? На душе нет тревоги. Вольготно на душе. Одиноким — значит свободным. Вернулся к общению с внешним миром и сразу ограничил свободу до минимума. Право, легко себя чувствовать одиноким. Даже интересно: можно ли так всё время жить: без обязанностей и долга перед другими. Святость и грех разом исчезли, о, моя прекрасная Урсула.

Самоуспокоение недолговечно. Кажущийся покой и равновесие иллюзорны. Дразнит и дразнит монотонным карканьем в соснах ворона. Этот странный, непонятный таинственный журавлиный крик над озером. Ласточка над окном вывела второй раз за лето птенцов. Кольнуло сердце: а сможет, сумеет ли выкормить? Неожиданно заплакал ночью во дворе ребёнок, и жгучая тревога уже не покидает, не даёт уснуть до утра. Всё, разом исчезают все мысли об умерших родных и близких, друзьях и знакомых. Скорбь, подобная великой скорби Дон-Кихота, подступает к горлу. Надежда на то, даже слабая, что ты сам ещё необходим хотя бы одному человеку на Земле, укрепляет твою уверенность в счастье. Да, оно так: вольготно, хорошо, легко, свободное парение, отдохновение, светлая печаль, царство одиночества, готовность говорить стихами!..

Но нет... что-то не то, а как же ты там где-то одна? Господи, телефон отключен! Забери, забери меня из омота-царства одиночества, моя Урсула, это в твоей власти, забери, уж больно быстро я пресытился им, забери, моя всесильная Урсула.

ПРАЗДНИК ДУШИ

О, внимательная, чуткая моя Урсула, уже в который раз ты просишь рассказать словами о чувствах, которые пробуждает в душе любовь. Уже в который раз я пытаюсь ответить на твой простой и такой сложный вопрос и теряюсь от невозможности сказать нечто новое, своё, потому как чувства эти очень хорошо знакомы всем, и в то же время всегда таинственны, потому как для каждого они источник просветления, преобразования, имеющего свой собственный смысл. Становишься робким и растерянным, как перед попыткой осмысления стихий природы: воды, огня неба. Описать всю их сущность невозможно. Любовь побуждает не только к поступкам, но и к слову. Даже употребив все возможные восклицания и возвышенные слова, испытываешь ощущение недосказанности.

О, ненаглядная моя Урсула, лилия, ландыш, роза на снегу. Даже переказывая чувства прожитого в любви дня, чувствуешь, как охватывает душу трепет нежности и печали по ушедшему, которое поглотило всесильное время — единственный серьёзный враг любви. Ибо всё остальное будет или правильно понято, или прощено, или подвергнуто легкой иронии. Радость, озарение, нежность, спокойствие, уверенность, вдохновение, сладкая нега, тепло, чудо жизни. Чему-то присущ один эпитет, одно сравнение — любовь же легко и свободно впитывает в себя все эпитеты и все сравнения Мира и Космоса. Первое предназначение человека — любить и быть любимым. Иногда от одного великолепного сравнения почему-то сразу рождается уверенность в том, что и этого недостаточно, мало, и оно не может, не способно выразить всю полноту чувств. Без любви нет счастья. Возвысить стиль, как у византийцев, диктует мне предмет письма, не обессудь. Увы, суровый век отучил нас обращаться к женщине возвышенно.

О, моя царственно-спокойная, как Волга, скромная, как Припять, своенравная, как Горынь, Урсула. Какая это непосильная задача — излагать на бумаге песню души! Чувство любви открывает глаза на мир красок и звуков. В шуме дождя слышишь поступь твоих шагов, в ласковых лучах солнца ощущаешь тепло твоих ладоней, в первых снежинках на лице — холодок твоих

губ, в листопаде — шорох твоего платья, в запахах цветов — аромат твоих волос.

Помоги мне о, несравненная Урсула, в этом жестоком мире диктата кулака, пули и денег беседой о любви очистить душу ото льда эгоизма и зависти. Хочу говорить с тобой обо всем. Ибо нет пустого и мелкого. Все вокруг существенно и интересно для влюблённых душ. Ты тихим голосом спрашиваешь: “А какое слово может быть весомее, сильнее слова *любовь*?” Есть ли такое слово у людей? Что же сильнее? Пожалуй, слово смерть. Да, она, проклятая. Хотя, если вдуматься, она тоже бессильна. Умирают от тоски по усопшей возлюбленной, ходят на кладбище, тоскуют и просят похоронить себя рядом. Не нахожу ничего, что могло бы хотя бы сравниться с этим словом. Дыхание? Сама жизнь? Но жизнь ведь следствие и результат любви. В разлуке мы не умираем, живём надеждой на встречу, которая всегда будет нова, как удивителен своей новизной и новый день, в котором старые атрибуты: солнце, луна, небо, деревья, машины, дома, люди...

Я теряюсь в догадках, так что же, что действительно несёт в себе такую же мощь и жизнеутверждающую силу, как любовь? Ведь всё: тревога, горе, уныние, тоска, печаль, отчаяние, ревность, неосмотрительность, замкнутость, молчаливость, равно как и восторг, оптимизм, радость, жажда творить, всепрощение, сострадание ко всему живому, необходимость делать добро, отзывчивость, духовность — ведь все это рождает любовь двоих. Поистине, и у молнии, и у радуги одна мать — гроза. Любовь подобна первому весеннему листку: она распускается в срок, какие бы преграды ни были на её пути. О неудачах и горестях и думать не хочется. Прилив сил бодрит дух. Иногда прикосновение к руке любимой красноречивее слов.

О, моя добродушная Урсула, бумага краснеет от стыда, чернила блекнут, рука дрожит, ум иронизирует над желанием описать неописуемое. Нет, это неправда, в капле воды я не вижу моря. Чтобы увидеть и почувствовать море, надо в него окунуться. Нет скромных чувств. Любовь — это буйство страсти, вулкан сомнений, это одновременное цветение всех садов на планете. Это состояние души и тела, когда и миллиона поцелуев недостаточно, чтобы утолить жажду, рождённую этим чувством.

О, моя загадочная Урсула, пожалуй, только одно-единственное слово сильнее слова *любовь*, и слово это — *Бог*, у которого мы, грешные, ищем защиты и надежды на спасение от нашей временности на земле. Нам до боли обидно, что и любовь наша должна умереть и, очевидно, умрёт вместе с нами. Бог являет собой начало, от которого берёт исток самое сильное, самое изумительное, самое нежное, самое материнское, самое вечное слово *любовь*. На вопрос, как относиться к дереву, которое первым сбросило листву, сокрушаться ли оттого, что оно быстро увяло, или радоваться тому, что оно заблаговременно подготовилось к холодам, душа, переполненная любовью, ответит: в засуху дерево полей, а в холод укрой теплее. Жалей все и всех. Кто не изведает чувства любви, тот “ослеплен пустяками”. О, воплощение моих тайных фантазий, гармония духовного и телесного! Знай, от повторений ласки, милых сердцу слов признания чувства не стареют. О, моя Урсула, чувство любви являет собой незащищенность бабочки и силу львицы. Любовь открывает нам глаза на единство, величие и мудрость природы, делает нас добрее и мудрее, потому что мы начинаем ценить каждый прожитый день.

О, родник мой благоговейный, Урсула! Я писал тебе письмо долго, очень долго, всю жизнь... мои силы истощены, но я ещё всё равно каждодневно открываю новые и новые тайны неизменного пейзажа перед моим окном... Мне много лет, может, сто, но это не имеет значения... Кто-то обязательно придёт ко мне, ведь святая душа, она живет в людях, она непреходяща, как сама любовь, ее породившая. Кто-то придёт, и я передам тебе конверт, который оставлю незапечатанным, и не потому, что на это уже нет сил, а для того, чтобы и человек, который понесёт тебе это письмо, прочёл его. Любовь стеснительна, но не до такой степени, чтобы скрывать её. Влюблённым жалко даже звёзд, потому что они так далеки друг от друга. Как же не радоваться, не благодарить судьбу за то, что бесценный дар любить нам дан, что этот дар, и только он, хранит от бессмысленности и тленности прозябания на земле. О, любовь моя, Урсула!

Перевод с белорусского